

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ

STATE NATIONAL POLICY: INTERNAL AND EXTERNAL FACTORS

Сибирь гуманитарная. 2024. № 3. С. 45—58.
Siberia Humanitarian. 2024;(3):45—58.

Национальная политика государства: внутренние
и внешние факторы

Научная статья
УДК 376.7(=112.2)(47+57)"1920/1930"
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-45-58>

Советизация образования немцев СССР в 1920—1930-е гг.

Ирина Васильевна Черказьянова

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, cherk@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1569-002X>

Аннотация. В статье рассматривается проблема советизации национального образования в довоенный период на примере немецкой школы. Противоречия в школьной политике наиболее ярко прослеживаются в 1920-е — начале 1930-х г. Предоставление права обучения на родном языке и развитие школьной сети сопровождалось деструктивными для немцев законами о разрыве школы и церкви, изгнанием опытных учителей по религиозному признаку и заменой их молодежью, воспитанной в духе атеизма и революционной идеологии. Ключевыми проблемами немецкой национальной школы на протяжении всего изучаемого периода оставались нехватка учебников на родном языке и острый дефицит профессиональных педагогов. Планы перевода всех национальных школ на обучение на родном языке уже в 1931 г. сталкивались с практикой, которая тормозила их исполнение или делала их нереальными. У немцев это выражалось в недостатке средних и высших учебных заведений по подготовке педагогов, в слабой подготовке выпускников школ для поступления в вузы. Издательская деятельность для национальных меньшинств была нацелена на выпуск в первую очередь пропагандистской литературы, а печать учебников отодвигалась на последний план. Репрессии по национальному признаку уничтожали передовую часть интеллигенции, учительства. Национальные школы нетитульных народов были запрещены в 1938 г., немецкие школы оставались лишь в АССР немцев Поволжья до начала массовой депортации немцев. Как результат политики советизации, национальная школа все больше превращалась в механизм воплощения сталинской идеи интернационализации, ее использовали в качестве орудия для формирования нового сознания, центра атеистической пропаганды.

Ключевые слова: советские немцы, национальное образование, школа, родной язык, учебники, подготовка учителей, советизация, репрессии по национальному признаку

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

Для цитирования: Черказьянова И. В. Советизация образования немцев СССР в 1920—1930-е гг. // Сибирь гуманитарная. 2024. № 3. С. 45—58. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-45-58>

State National policy: internal and external factors

Original article

Sovietization of the USSR's Germans Education in the 1920s—1930s

Irina V. Cherkazyanova

A.S. Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation, cherk@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1569-002X>

Abstract. The article deals with the problem of Sovietization of national education in the pre-war period on the example of the German school. The contradictions in school policy are most clearly seen in the 1920s - early 1930s. The right to study in the native language and the development of the school network were accompanied by destructive for Germans laws on separation of school and church, the expulsion of experienced teachers on religious grounds and their replacement by young people brought up in the spirit of atheism and revolutionary ideology. The shortage of textbooks in the native language and the acute shortage of professional teachers remained key problems for German national schools throughout the period under study. As early as 1931, plans to convert all national schools to mother-tongue instruction encountered practices that hindered their implementation or made them unrealistic. In the case of the Germans, this was manifested in the lack of secondary and higher educational institutions for teachers training, and in the poor preparation of school graduates to enter universities. Publishing activities for national minorities were aimed primarily at producing propaganda literature, while the printing of textbooks was relegated to the last priority. Repressions on national grounds destroyed the advanced part of the intelligentsia and teachers. National schools of non-titular peoples were banned in 1938; German schools remained only in the ASSR of Volga Germans until the mass deportation of Germans. Because of the policy of Sovietization, the national school increasingly turned into a mechanism for the implementation of Stalin's idea of internationalization and was used as a tool for developing new consciousness, the center of atheistic propaganda.

Keywords: Soviet Germans, national education, school, native language, textbooks, teacher training, Sovietization, repression on national grounds

Acknowledgments: The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation and the St. Petersburg Science Foundation No. 23-18-20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

For citation: Cherkazyanova I.V. Sovietization of the USSR's Germans Education in the 1920s—1930s. *Siberia Humanitarian*. 2024;(3):45—58. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-3-45-58>

Введение

Советизация, начавшаяся вскоре после установления советской власти, была характерна для всех национальных культур, наиболее ярко она проявлялась в национальных школах, так как школа была важнейшим инструментом воспитания «нового человека», а учителя были передовой частью интеллигенции. Именно через призму образования хорошо просматриваются национально-культурная политика государства, проблемы всеобщей грамотности, состояние печати, литературы и культурного строительства в целом. Учитывая базовую функцию образования, конечной целью которого является социально-экономическое и культурное развитие общества, страны, становится очевидной значимость проблемы для национальных меньшинств.

Исследователи выделяют три периода развития национальной школы в СССР [1, с. 240], в том числе и немецкой школы. После принятия постановления Народного комиссариата просвещения РСФСР от 31 октября 1918 г. № 835 «О школах национальных меньшинств» школа интегрировалась в процесс официальной идеологии. В постановлении был сформулирован главный принцип образования — право всех народов на обучение на своем родном языке на обеих ступенях единой трудовой школы и в высшей школе, школы нацменьшинств становились государственными. Противоречивое развитие национального образования в СССР 1920—1930-х годов завершилось в 1938 г. в связи с закрытием подавляющего большинства национальных школ нетитульных наций — национальная школа становится школой русского языка. С 1958 г. школы национальных меньшинств становились школами русской культуры. В качестве начала нового этапа можно рассматривать принятие в 1991 г. Закона РСФСР «О языках народов РСФСР», создавшего предпосылки для возрождения национального образования в России. В настоящей работе на примере немецкой школы рассматривается первый период развития национального образования в СССР.

В контексте настоящего исследования обращают на себя внимание работы И. В. Черказьяновой о немецком национальном образовании в дореволюционный и советский периоды [2], исследования В. Дённингхауса, посвященные проблемам советских немцев и их образования в довоенный период [3 ; 4], а также работы Б. В. Гартвиг о проблеме подготовки специалистов в Немецком педагогическом институте АССР НП [5].

Состояние образования немцев в начале 1920-х гг.

К началу социалистических преобразований духовная культура и образование немцев находились в кризисном положении. Преследования по национальному признаку во время Первой мировой войны и повсеместное закрытие немецких школ, а затем революционные события и Гражданская война — все это привело к резкому сокращению числа учебных заведений немецкого населения, значительный процент детей остался за пределами школы, стала нарастать безграмотность. До революции у немцев была организована собственная пресса, был накоплен опыт издательского дела, имелись библиотеки, однако и эти процессы также были приостановлены.

Традиционно церковь и школа выступали в роли очага культурного самоопределения немцев, формирования собственной идентичности. В первые послереволюционные годы школа еще сохраняла роль одного из центральных звеньев в развитии культуры немецких колонистов. Но уже первые шаги советской власти оказались разрушительными для традиционной системы формирования духовных ценностей немцев.

Декрет СНК РСФСР от 20 января 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» («Об отделении церкви от государства и школы от церкви») разрушил привычный для религиозного немецкого населения союз школы с церковью. Роль церкви в передаче культурных ценностей практически сошла на нет, формы ее работы в обществе, особенно среди молодежи, стали приобретать неофициальный и даже полулегальный характер, что выдвинуло школу на первый план в деле сохранения культурных традиций. Устоявшиеся в течение столетий воззрения немцев на свою школу пришли в противоречие с государственной образовательной политикой — новому строю нужна была советская школа с учителями новой генерации и учениками нового идеологического наполнения.

В первые месяцы советской власти произошли структурные изменения в управлении народным образованием. Оно сосредоточилось в Народном комиссариате просвещения (Наркомпрос, НКП) и губернских (областных) отделах образования (ОНО). Для руководства национальным образованием в Наркомпросе был создан специальный отдел, с 1921 г. — Совет по делам

просвещения национальных меньшинств (Совнацмен). В местных отделах образования создавались соответствующие подотделы национальных меньшинств. В 1919 г. в НКП была организована редколлегия для создания национальной литературы и алфавитов бесписьменных народов, а также с целью рассмотрения проектов национальных учебников.

Для превращения школы в полноценную национальную школу нового образца необходимо было решить две основные проблемы: подготовить новое поколение учителей-атеистов, владеющих родным языком учащихся, и разработать национальные учебники и учебные программы, соответствующие духу времени. Вслед за этим неизбежно вставали вопросы создания сети педагогических учебных заведений разных уровней, формирования авторских коллективов для подготовки учебников, организации национальных издательств, которые государство еще не могло решить в полном объеме.

Становление системы немецкого образования на новых основаниях повсеместно проходило в сложных условиях. Летом 1919 г. на Третьем съезде Советов Области немцев Поволжья отмечалось, что свыше половины всех детей не могут быть охвачены обучением, особенно зимой. Главными причинами были: отсутствие школ, острая нехватка учителей, учебников, письменных принадлежностей, одежды и обуви. Исходя из местных возможностей, под школы отдавались здания бывших волостных правлений, конфискованные дома зажиточных колонистов. С 1 июля 1919 г. в Маркштадте начали действовать постоянные курсы по подготовке учителей [6, с. 70].

Борьба за светскость немецкой школы натолкнулась на серьезное сопротивление населения на Алтае. Наибольшее противодействие новым мероприятиям оказали жители меннонитских поселков Славгородского уезда. К марту 1920 г. число учащихся резко сократилось, потому что родители не пускали детей в школы. В Сибири, где еще продолжалась Гражданская война, к перечисленным трудностям добавлялось отсутствие в отделах образования сведений о реальном положении нацменьшинств.

Негативная реакция немцев Украины на отделение школы от церкви вынудила власти отложить на некоторое время проведение в жизнь декрета от 20 января 1918 г. Постановление Совнацмена НКП Украины от 28 декабря 1923 г. «Об отделении школы от церкви в немецких колониях», которым, в частности, разрешалось традиционное для колонистов объединение под одной крышей церкви и школы, на деле не исполнялось.

Остро стоял вопрос нехватки учителей. На основании постановления Совета труда и обороны (СТО) от 9 июня 1920 г. и СНК РСФСР от 9 мая 1921 г. «О возвращении к работе по своей специальности работников просвещения» учителя освобождались от военной службы, беспрепятственно увольнялись с другой работы и направлялись в народное образование. Эти мероприятия позволили осенью 1920 г. направить только в немецкие школы Омского уезда 13 учителей. Одновременно с этим из школ увольняли верующих учителей, которые не соответствовали партийным требованиям к педагогу как «агенту коммунистического просвещения». Из школьных библиотек изымалась литература религиозного содержания.

В 1919—1923 гг. школьная сеть немцев по всей стране значительно сократилась из-за материальных трудностей, недостатка финансирования. В 1921 г. в стране на долю школьного образования приходилось лишь 10 % государственного бюджета. Подъем в школьном строительстве начался с середины 1920-х гг. Общее количество немецких школ в стране в это время приближалось к одной тысяче (РСФСР в 1925 г. — 351, Украина в 1926 г. — 570) [7, с. 243]. Недовольство, вызванное действиями властей по превращению школ в светские заведения, было одной из причин массового эмигрантского движения немцев в 1920-е годы. Новые шаги по внедрению атеизма в немецкую школу были предприняты в конце 1920-х годов в связи с развернувшимся движением «воинствующих атеистов».

Проблема обеспечения немецких школ учебниками на родном языке

В условиях, когда не хватало подготовленных учителей, а потребность в них увеличивалась в связи с введением всеобщего, методически грамотно составленный учебник играл огромную роль. По нему могли преподавать даже слабо подготовленные учителя, например выпускники семилетних и девятилетних школ. Поэтому вопрос учебника на родном языке был одним из главных в жизни национальной школы того периода.

Процесс книгоиздания на языках национальных меньшинств с трудом восстанавливался в начале 1920-х годов. В 1918 г. Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) приступил к подготовке первых национальных учебников, но после принятия 16 августа 1921 г. постановления СНК «О порядке издания учебников» исключительное право на издание учебников передавалось Государственному издательству (ГИЗ) при Наркомпросе. Основную нагрузку по обеспечению страны национальными учебниками выполняло Центральное издательство народов СССР (ЦИЗ), созданное в 1924 г., а немецкими учебниками снабжало Немецкое издательство (Немгосиздат), расположенное в Покровске (Энгельс). Однако в издательских планах учебники занимали скромное место, приоритет отдавался общественно-политической книге.

Немцы в России, имевшие многолетние традиции издания собственной литературы, в этот период оказались отброшенными далеко назад. В 1923 г. они с эстонцами стояли на первом месте по количеству культурно-просветительных и школьных заведений на 1 000 человек своего народа, но по обеспеченности учебной книгой были на последнем месте. Это было вызвано тем, что со времени революции централизованно не было издано ни одной учебной книги на немецком и эстонском языках [8, с. 138]. В целом по стране объем немецкой книжной продукции к 1927 г. по сравнению с 1913 г. сократился более чем на 70 %. Вместо 717 наименований при тираже 1 541 388 экз. теперь выходило 197 наименований (676 073 экз.) [9, с. 299]. Вместе с тем появились новые общественно-политические и педагогические издания. В 1923 г. был организован журнал для немецких колонистов СССР *Die Arbeit* («Работа»). В Москве с 1925 г. начал выходить журнал для учителей *Zur neuen Schule* («За новую школу»), орган Немецкого центрального бюро НКП РСФСР и СССР и НКП АССР НП. В Саратове начал выходить педагогический журнал *Wolgadeutsches Schulblatt* («Школьный листок поволжских немцев»). В 1930 г. появился журнал *Revolution und Kultur* («Революция и культура»), орган отдела культуры и пропаганды ВКП(б) и Наркомпроса АССР НП.

Перед Наркомпросом стояла важная задача выработать новый тип учебника, отвечающего времени, так как попытки приспособить дореволюционные учебники потерпели неудачу, хотя учебники старого образца еще некоторое время использовались в немецких школах.

Участники Первого съезда немецких учителей Сибири, проходившего в 1921 г. в Омске, предлагали радикальные меры по обеспечению школ учебниками, вплоть до изъятия из областной библиотеки всей немецкоязычной литературы и использования библиотек немецких военнопленных. Решено было переиздать дореволюционный букварь Г. Шлимбаха [10, л. 101]. Славгородский уездный ОНО напечатал свою азбуку при помощи германских военнопленных, а в 1920 г. силами трех лучших местных учителей велась работа по составлению букваря и первой после букваря книги для чтения [11, л. 14].

Главными авторами новых учебников стали немецкие учителя Украины и Поволжья. К лету 1923 г. в распоряжении НКП имелось девять рукописей на немецком языке. Высокой оценки заслужили учебники по математике

А. Лонзингера и Ф. Циглера, букварь Ф. Баха. Среди авторов других оригинальных работ были А. Эмих, Ф. Беллендир, А. Маттерн [12, с. 374].

При всех успехах в издании национальных учебников тираж их был невелик. Немецкое издательство не в состоянии было обеспечить учебниками даже школы АССР НП. К 1927 г. в Поволжье было издано 200 наименований книг, из них 60 были посвящены вопросам сельского хозяйства, 40 — политическим вопросам и только 27 наименований были собственно учебники [13, с. 112].

Осенью 1923 г. на первой конференции немецких учителей Хортицкого района (Украина) единогласно было решено организовать в Хортице кооперативное издательство и провести сбор средств. Делегаты обсудили вопрос о подготовке рукописей учебников и избрали редакционную комиссию. Ответственными за подготовку букваря были назначены К. Браун и Я. Фрезе [14, с. 328—329]. НКП УССР планировал издать в 1923 г. собственными силами немецкий букварь и книгу для чтения в двух частях. По другим учебникам дело тормозилось из-за отсутствия рукописей и дефицита бумаги, не хватало квалифицированных переводчиков.

Ситуация с немецкими учебниками в Сибирском крае была стабильно неблагоприятной. В первой половине 1920-х годов в школы Омской губернии поступало лишь 25—40 % учебников от необходимого количества, а наглядные пособия использовали из довоенных остатков [15, л. 32]. Даже в 1927 г. из-за отсутствия книг на родном языке немецкие учителя в Сибири использовали русские учебники или политическую литературу на немецком языке, а иногда обучение велось по книгам дореволюционного образца.

В 1928 г. в немецкой колонии Каменка под Ленинградом имелось лишь три учебных пособия: букварь, хрестоматия Эмиха и «Юный географ». В соседней Новопарголовской колонии учебник по математике был только у преподавателя. В колонии Рибенсдорф Воронежской губернии в наличии имелись только учебники на русском языке.

Проблему учебников усугубляла и система распределения литературы — книги поступали в школы с опозданием на месяцы и даже годы. До 1926 г. эту функцию выполнял немецкий отдел Совнацмена. Из-за нехватки кадров в местных отделах образования к распределению подключались партийные немсекции РКП(б). Острота ситуации по обеспечению школ учебниками на родном языке вынудила Совнацмен НКП в 1928 г. признать, что эта проблема является одной из самых больших трудностей в работе с национальными школами.

Отсутствие национальных учебников приводило к тому, что школы считались национальными лишь на бумаге. Как отмечает В. Дённингхаус, большинство действовавших школ немцев в РСФСР к середине 1920-х гг. нельзя было даже с большой натяжкой назвать советскими [4, с. 46]. Практически полное отсутствие нужных учебников позволило заместителю наркома просвещения В. А. Курцу, выезжавшему в 1930 г. в Сибирь, сделать вывод об отсутствии в крае немецкой школы.

Проблемы издания немецких учебников отчасти были связаны и с переводом немецкого языка с готической графики на латинскую. В 1920-е гг. активно дискутировался вопрос об упрощении правописания на немецком языке и о переводе его на латинский шрифт. В учительской среде впервые вопрос о полном переходе на латиницу был поставлен на конференции немецких учителей в Грузии в 1925 г. [16]. На Кавказе проходил активный процесс создания новых алфавитов, поэтому здесь учителя в большей степени, чем в других местах проживания немцев, были подвержены новым идеям. Официально переход на латинскую графику в Поволжье начался по решению ЦИК АССР НП с 1 января 1932 г. При переходе на новую графику потребовалось переучивать десятки тысяч взрослых людей и детей

школьного возраста. Возникла новая трудность — в типографиях просто не хватало необходимых наборных шрифтов.

Введение всеобщего поставило на повестку дня вопрос о создании «стабильных» учебников. Для централизованного выпуска учебников для всей страны было создано учебно-педагогическое издательство (Учпедгиз). В постановлении ЦК ВКП(б) от 12 февраля 1933 г. «Об учебниках для начальной и средней школы» осуждалась практика Наркомпроса и Госиздата по нескончаемому «проектированию» учебников. Запрещалось издание на местах собственных, кроме краеведческих, учебников, по каждому предмету устанавливался единый обязательный стандарт.

26 марта 1933 г. было принято постановление СНК РСФСР «О порядке издания учебников для начальной и средней школы в автономных республиках и областях РСФСР». Все учебники унифицировались, стандарт каждого учебника, единственного для всех наций, утверждала Коллегия НКП РСФСР. Кроме того, для каждого меньшинства разрабатывались специальные учебники: буквари, грамматики, книги для чтения, хрестоматии по родной литературе, учебники краеведения, русского языка. Новые специальные учебники разрабатывались и переводились на языки национальностей на местах, а перевод с русского языка утверждал лично нарком просвещения автономной республики или заведующий ОНО области [17, с. 17—18]. Немецкое издательство снабжало стабильными учебниками немцев АССР НП, Нижне-Волжского, Западно-Сибирского и Северо-Кавказского краев, Казахской и Башкирской автономных республик [18, с. 164—165]. Но и эти меры не помогли обеспечить население необходимой учебной литературой — на протяжении 1930-х годов немецкие школы Западно-Сибирского края были обеспечены учебниками лишь на 30—70 % [19, с. 113].

В такой ситуации работа учителей была обречена на провал, но именно их вскоре стали обвинять в том, что они не борются с «коренным недостатком школы» — не дают достаточного объема знаний и плохо готовят школьников для поступления в техникумы и вузы.

Проблема подготовки учителей

С первых шагов советского строительства обозначился конфликт между немецким населением и органами власти по вопросу идейности учителя. С одной стороны, население стремилось сохранить старые учительские кадры и не принимало тех, кого назначали сверху, с другой стороны, старое учительство не устраивало властные органы, поэтому власть стремилась насадить в школы учителей нового поколения. Учитель становился ключевой фигурой в борьбе за советскую школу.

Тяжелое материальное положение в первой половине 1920-х гг. и отмена трудовой повинности в 1922 г. породили среди учителей дезертирство, тем временем спрос на учителей все время возрастал из-за введения всеобщего. Имеющаяся сеть педагогических заведений не могла удовлетворить возросшие потребности немецких школ в учительских кадрах.

Самой доступной формой подготовки учителей на этом этапе были различные политизированные курсы. Прием на курсы осуществлялся, как правило, не по желанию, а путем делегирования кандидатов по рекомендациям партийных и профсоюзных организаций. В масштабах страны подготовка немецких учителей была организована на стационарных курсах в Москве и Центральных курсах по переподготовке немецких учителей в Ленинграде. Прием курсантов туда был небольшим, так, в 1926 г. в Ленинграде было принято всего 45 человек [20, л. 54].

В 1923 г. во всех центрах проживания немцев прошли летние политкурсы для учителей. На Украине они состоялись в Пришибе и Хортице. Курсы в Пришибе были проведены по инициативе самих учителей Мелитополь-

ского уезда, которые обратились в Наркомпрос Украины с просьбой направить квалифицированных лекторов. В работе участвовали 194 учителя, им были предложены циклы лекций по политэкономии, историческому материализму [21, с. 400]. Менее политизированы были летние курсы 1923 г. для немецких учителей Поволжья. Они были рассчитаны на один месяц, традиционный цикл методических занятий был дополнен лекциями по методике преподавания пения и физкультуры. Летом 1923 г. на сибирских курсах немецких учителей, проходивших в Омске, обучалось 44 учителя. Из плановых 181 часа на политзанятия отводилось 86 часов [22, с. 470].

Первая попытка создания самостоятельного немецкого пединститута была сделана в 1921 г.: в Москве открылся Немецкий практический институт народного образования. В 1923 г. он был преобразован в Центральный немецкий педагогический техникум с правами высшего учебного заведения и готовил учителей для школ 2-й ступени. Обучение длилось три года, кроме того, имелось двухгодичное подготовительное отделение, преподавание велось на немецком языке. Принимались лица «трудового происхождения» не младше 18 лет, имеющие избирательные права. В сентябре 1925 г. техникум под тем же названием был переведен в Ленинград. В 1934/35 учебном году латышский, немецкий и польский техникумы Ленинграда были объединены в один педтехникум народов Запада. 14 апреля 1935 г. нарком просвещения РСФСР А. С. Бубнов подписал приказ о формировании педтехникума.

Педагогические техникумы для немцев действовали в Поволжье, на Украине и в Сибири. Значительную работу проводил Хортицкий педагогический техникум, созданный в 1922 г. на базе Хортицкого центрального училища. Педтехникумы в АССР НП (Марксштадт, Зельман, Красный Кут) имели развитую структуру, что их выгодно отличало от подобных учебных заведений. Так, в числе немногих в стране у них имелись дошкольные и библиотечные отделения. Немецкое отделение в Славгородском педтехникуме (Алтай) было открыто после принятия 7 февраля 1930 г. Президиумом Сибирского крайисполкома постановления, нацеленного на окончательное преодоление эмигрантских настроений в Славгородском округе.

Сложнее обстояло дело с организацией высшего образования для немецких национальных кадров. До 1930 г. их готовили через общую сеть вузов в порядке командирования по броне, но бронирование было отменено в 1934 г. В 1927/28 учебном году в университетах страны обучался 361 немец, что составляло 0,67 % от общего числа обучающихся в университетах. В пединститутах этот показатель был несколько выше и составлял 0,92 % (126 студентов) [9, с. 290—291]. Одновременно с середины 1920-х гг. при вузах стали создаваться национальные отделения. Этому способствовало постановление СНК РСФСР от 21 ноября 1925 г. «О подготовке преподавателей для школ национальностей нерусского языка». Осенью 1925 г. при рабфаке Саратовского университета открылось отделение для подготовки учителей немецкого языка и литературы для школ повышенного типа, что дало дополнительные возможности по подготовке преподавателей для немецких школ Поволжья, а с октября 1926 г. и для Сибири. С 1930 г. немецких учителей готовило специальное отделение Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена, но и его возможности были ограничены.

Первый в стране Немецкий пединститут открылся в Покровске (Энгельс) 1 октября 1929 г. Его появление было вызвано широко развернувшимся эмиграционным движением немцев, среди причин которого была и неудовлетворенность решением школьных вопросов. В первый год институт работал в составе двух факультетов — лингвистического и историко-экономического, обучались 65 человек [5, с. 121]. По состоянию на 1 июля 1931 г. в нем числилось 139 студентов, на 1 ноября 1931 г. — уже 227. Ин-

ститут набирал силу, но даже в 1935/36 учебном году в АССР НП не было стопроцентного охвата детей обучением, в том числе из-за нехватки учителей. Материальная база института развивалась недостаточно, педагогический состав постоянно обновлялся из-за бесконечных чисток, преследований и арестов преподавателей. 29 апреля 1934 г. обком ВКП(б) АССР НП рассмотрел вопрос «О работе Непединститута». Отмечались «серьезные просчеты»: «идеологическая невыдержанность» ряда программ и подмена их марксистско-ленинского содержания «буржуазно-идеологическим направлением». Руководству института предписывалось ликвидировать «беспартийность преподавания» и удалить из института «классово-чуждые элементы» [23, с. 98—99]. Лишь в конце 1930-х гг. в институте стал ощущаться приток специалистов из числа его выпускников, но в 1941 г. вуз был закрыт.

В 1931 г. XV Всероссийский съезд Советов постановил завершить перевод всех национальных школ на родной язык в 1931/32 учебном году, но НКП РСФСР мог обеспечить перевод лишь начальной школы 37 национальностей [24, с. 76—77]. «Коренизация» предполагала не только родной язык преподавания, но и национальный состав учащихся и преподавателей, наполнение программ специальными дисциплинами, наличие учебников и литературы на родном языке, проведение культурно-массовой работы. К началу 1930-х гг. процесс «коренизации» немецкой школы был далек от завершения. На Украине в 1930 г. только 75 % немецких детей обучались на родном языке, но это были очень высокие показатели по сравнению, например, с греками и молдаванами, у которых собственные школы лишь начали создаваться [25, с. 104]. В Средне-Волжском крае к началу 1932/33 учебного года не хватало 2 130 учителей начальной школы, в том числе 80 — немецкой [26, с. 14]. Недостаток учителей ставил под угрозу срыва планы всеобща.

Курс на сворачивание национального образования. Закрытие немецких школ

К середине 1930-х годов явственно стали проявляться симптомы изменения государственной национально-языковой политики, хотя в целом курс на развитие максимально возможного числа языков и удовлетворение потребности в национальной идентичности все еще продолжался. В ст. 121 Конституции СССР 1936 г. было закреплено право на образование на родном языке. На практике же начался явный отход от политики признания и поощрения родного языка в школе, началось сворачивание национального образования. В 1932 г. прекратило существование Центральное издательство народов СССР, в 1934 г. были упразднены национальные отделы просвещения в структуре государственного управления. С августа 1935 г. перестал выходить журнал «Просвещение национальностей».

Одним из признаков смены курса стало постановление Президиума ЦИК от 1 июня 1935 г. о переводе языков народов СССР с латиницы на кириллицу. Изменение политики стало проявляться и в том, что «малые» языки стали вытесняться титульными языками союзных республик. Так, на Украине 4 марта 1935 г. было принято постановление ЦК КП(б)У «О преподавании украинского языка в школах немецких национальных районов», направленное на борьбу с различными «элементами» [27, с. 80].

Мероприятия Наркомпроса были направлены на унификацию начальной и средней школы. Этому способствовал ряд партийных и правительственных документов. 15 мая 1934 г. вышло постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы», положившее начало фронтальной унификации всех типов общеобразовательной школы и содержания преподавания. В дополнение к постановлению приказом НКП от 17 августа 1934 г. определялся порядок перехода национальных начальных школ с пятилетнего обучения на четырехлетнее. Планировалось завершить переход

уже в 1934/35 учебном году. Сокращение сроков обучения при сохранении объема программы затронуло вопрос соотношения родного и государственного языков. Количество часов для изучения русского языка оставалось одинаковым во 2—4-х классах (по шесть уроков в неделю), а объем часов, отводившихся на родной язык, сокращался от класса к классу [28, л. 52].

Процесс сворачивания национального образования завершился закрытием школ нетитульных наций. 24 января 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное постановление «О реорганизации национальных школ», в котором отмечалось, что национальные школы «искусственно насаждались», что они превратились в «очаги буржуазно-националистического антисоветского влияния на детей», а педагогический состав засорен врагами, школы наносят огромный вред делу правильного обучения и воспитания. Фактическое закрытие национальных школ сопровождалось пропагандой необходимости изучения русского языка, широко развернувшейся после выхода 13 марта 1938 г. постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». В целом документ нанес огромный вред национально-языковому строительству и школам, это стало одним из поворотных пунктов в развитии национального образования в СССР.

Раньше других запреты коснулись немецких школ Ленинграда и Ленинградской области. 15 июля 1937 г. секретариат Ленинградского горкома ВКП(б) принял постановление «О немецком отделении 33-й школы Октябрьского района», после чего школа была расформирована. К 20 декабря 1937 г. бюро областного обкома партии подготовило проект постановления «О национальных школах и других культурно-просветительных учреждениях», который признавал вредным существование финских, эстонских, немецких, польских и других школ, а также национальных отделений в средних специальных и высших учебных заведениях. К началу марта 1938 г. в области были реорганизованы 340 различных школ, в том числе девять немецких [29, с. 167—169].

В Башкирии постановление о запрете национальных школ было принято бюро обкома ВКП(б) 19 марта 1938 г. В марте того же года были закрыты все эстонские, татарские, мордовские и казахские школы на территории АССР НП. На Украине завершающим актом стало принятие постановлений Политбюро ЦК КП(б)У от 10 апреля 1938 г. «О реорганизации национальных школ Украины» и 7 июня 1938 г. «О реорганизации особых национальных школ, техникумов, Одесского немецкого педагогического института и особых национальных отделов и классов в школах, техникумах и вузах УССР». Согласно принятым решениям, все школы становились либо русскими, либо украинскими. Единственным местом в СССР, где немецкие школы продолжали существовать после 1938 г., была АССР немцев Поволжья.

Унификация национальных школ и учебников, а позже и закрытие школ национальных меньшинств, сопровождалась репрессиями против педагогов. Репрессивные меры против немцев стали применяться уже в 1933 г., когда им было запрещено получать какую-либо помощь из Германии. Вскоре начались и откровенные преследования. На Украине за первое полугодие 1934 г. в 240 немецких населенных пунктах были арестованы более 250 человек, 150 из них осуждены. Учителя и духовенство были названы проводниками пангерманистского влияния. Десять преподавателей немецких школ во главе с сотрудником лингвистического института С. Шульцем были осуждены по делу Союза молодых боевых немцев на Киевщине [27, с. 68—69].

5 ноября 1934 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление «О работе среди немецкого населения», которое положило начало массовым репрессиям против немцев. В документе обращалось внимание на «открытую

антисоветскую деятельность» в районах, населенных немцами. Недопустимым фактом было названо игнорирование указаний об изучении языка той республики, на чьей территории находились немецкие районы [30, с. 133—134]. «Врагов» в учебных заведениях стали выявлять в ходе партийных чисток и развернувшейся с 1936 г. обязательной аттестации учителей.

Осенью 1937 г. был разгромлен Одесский педтехникум, а бывшие директора Хортицкого немецкого педагогического техникума и Хортицкого немецкого машиностроительного техникума были осуждены как руководители вымышленной организации — Национального союза немцев на Украине. 10 апреля 1938 г. был закрыт Одесский немецкий пединститут. Немецкий пединститут в АССР НП в ходе чистки в начале 1930-х гг. лишился талантливых педагогов и ученых, таких как Г. Г. Дингес и П. Д. Рау. За период с 1929 по 1937 г. были сняты четыре директора института. В 1937 г. арестованы и репрессированы десятки студентов и преподавателей, в том году набор студентов не проводился. Последняя перед закрытием института проверка состоялась по инициативе обкома ВКП(б) республики в 1941 г., после рассмотрения на заседании 4 февраля вопроса о состоянии учебно-воспитательной работы в школах республики. Причиной слабой успеваемости была названа плохая подготовка педагогов, поэтому проверка коснулась не только пединститута, но и трех педучилищ в Маркшадте, Зельмане и Красном Куте [6, с. 388].

Своего апогея репрессии достигли в 1937—1938 гг. Только в Одесской области в июне-августе 1937 г. было арестовано 19 директоров и свыше 50 преподавателей немецких школ. В Ленинграде в 1936 г. были арестованы, а в ноябре 1937 г. расстреляны в Сандармохе (Карелия) организаторы и бывшие директора Центрального немецкого педтехникума П. Г. Пеннер, П. Г. Левен, Г. Ф. Ваккер. На Алтае 22 октября 1938 г. был расстрелян директор Славгородского немецкого педтехникума А. А. Янцен. В Саратове 21 мая 1938 г. расстреляли ответственного редактора учебников для начальных и средних школ Немгосиздата Г. В. Энгеля, перед арестом работавшего учителем физики в школе № 2 г. Энгельса. В Новгороде 11 декабря 1937 г. был расстрелян Н. Г. Тиссен, уроженец колонии Мунтау (Украина), директор неполной средней школы в Новониколаевской немецкой колонии Новгородского района. В 1938 г. прокатилась волна репрессий против руководителей немецких школ Омской области.

Репрессии против педагогов нанесли непоправимый урон немецкой школе. Была уничтожена наиболее активная часть общества, расстреляны организаторы и руководители многих учебных заведений. Восстановить утраченный потенциал немецкого образования уже было невозможно — учебные заведения были разгромлены, а впереди была война. В первые месяцы войны были ликвидированы последние очаги немецкого образования и культуры, сохранившиеся в АССР НП.

Выводы

В довоенный период развитие всего национального образования и культуры в стране шло противоречиво, оно менялось от полной свободы использования родного языка в 1920-е гг. до сворачивания национального образования, а затем и фактического запрета школ многих народов в конце 1930-х гг. Образование и культура российских немцев не избежали общей участи, более того, при наиболее успешном развитии на фоне других национальных культур именно немцы становились первыми жертвами репрессивной политики. До конца 1920-х гг. при всем несовершенстве национально-просветительной политики государства все же имелись возможности для равноправия языков и наций, обучение велось на родном языке. Реорганизация, а фактически закрытие, национальных школ нанесла серьезный урон национальной культуре немцев. Язык как часть культуры вытес-

нялся в бытовую и конфессиональную сферу, в итоге был обречен на утрату молодыми поколениями.

Национальные школы не исчерпали своего потенциала к моменту их запрета. Развитие образования тормозилось из-за объективных трудностей и идеологических установок, навязываемых учительству и населению в целом. Чрезмерная централизация управления и снабжения школ гасила народную инициативу по поддержке собственных школ. В немецких школах к концу 1930-х гг. был выхолощен весь накопленный народный опыт, они превратились в типовые школы. Родной язык преподавания — главный признак национальной школы — был запрещен в 1938 г. Школа все больше превращалась в механизм реализации сталинской идеи интернационализации, ее использовали в качестве орудия для формирования нового сознания, центра атеистической пропаганды. В 1930-е гг. в СССР сформировалась национально-языковая политика, которая в основных формах с некоторыми модификациями продолжалась до конца 1980-х гг.

Список источников

1. Кузьмин М. Н. Национальная школа России в контексте государственной образовательной и национальной политики // Многоязычие и преподавание родных языков = The Challenge of Multilingualism to Standard Language Teaching : материалы из Фландрии, Англии, Нидерландов, Германии и России / под ред. С. Кроона и Г. Хрулова ; Ин-т нац. проблем образования. М. : Изд-во Ин-та нац. проблем образования, 1998. 303 с.
2. Черказьянова И. В. Немецкая национальная школа в России: исторический опыт функционирования // Российские немцы в иномациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности : материалы междунар. науч. конф. (Саратов, 14—19 сент. 2004 г.). М., 2005. С. 8—28.
3. Дёнингхаус В. Национальная политика в РСФСР в отношении нацменьшинств Запада во второй половине 1920-х годов (на примере Ленинградской области) // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культура российских немцев. 2015. № 1. С. 49—58.
4. Дёнингхаус В. «Немецкую школу без риска можно назвать антисоветской»: учитель как тормоз трансформации немецких школ в 1920-е гг. // История повседневности. 2020. № 2 (14). С. 42—70.
5. Гартвиг Б. В. Национальная модель высшего образования в Немецкой автономии // Вестник РУДН. Серия: История России. 2014. № 4. С. 119—132.
6. Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918—1941. 2-е изд., испр., доп. М. : МСНК-пресс, 2007. 576 с.
7. Дёнингхаус В. В тени «Большого Брата»: западные национальные меньшинства в СССР (1917—1938 гг.). М. : РОССПЭН, 2011. 727 с.
8. Matern F. Schulbücher um jeden Preis! // Die Arbeit. 1923. № 5. S. 138.
9. Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М. : Изд-во Коммунистич. академии, 1930. 328 с.
10. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 517.
11. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК). Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 41.
12. Bartels B. Über den Stand unserer Lehrbücherfrage // Die Arbeit. 1923. № 16. S. 374.
13. Waschkau N. E. Kulturbeziehungen der Wolgadeutschen Republik mit Deutschland 1918—1933 [Cultural relations between the Volga German Republic and Germany 1918—1933. In German] // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen. Essen: Klartex. 1998. № 8. S. 104—118.
14. Die Lehrer von Chortiza an der Arbeit // Die Arbeit. 1923. № 14. S. 328—329.
15. ГАОО. Ф. Р-978. Оп. 1. Д. 42.
16. Mickwitz [R.]. Gotisch oder Lateinschrift? // Kultur und Schule. 1927. № 4.
17. О порядке издания учебников для начальной и средней школы в АССР и областях РСФСР // Просвещение национальностей. 1933. № 2. С. 17—18.
18. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сб. док. 1917—1973 гг. М. : Педагогика, 1974. 559 с.
19. Гербер О. А. Материальная база школьного образования сибирских немцев (1920—1935 гг.) // Российские немцы. Проблемы культуры и образования. Новосибирск, 1996. С. 42—51.
20. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 464.
21. Unsere Ferienkurse // Die Arbeit. 1923. № 17. S. 400.
22. Die Lehrer-Sommerkurse in Omsk // Die Arbeit. 1923. № 15. S. 470.

23. Герман А. А. История Республики Немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М. : Готика, 2000. 320 с.
24. Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917—2000. Социоллингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М. : Крафт+ИВ РАН, 2000. 224 с.
25. Клячин А. И. Этнические меньшинства и национально-государственное строительство на Украине в 1920—1930 гг. // Этноконтактные зоны в европейской части СССР. М. : [б. и.], 1989. С. 96—110.
26. Карнеев И. К вопросу о подготовке нацпедкадров // Просвещение национальностей. 1932. № 10. С. 14.
27. Ченцов В. В. Трагические судьбы: политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920—1930-е годы. М. : Готика, 1998. 205, [1] с.
28. ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 1323.
29. Смирнова Т. М. Национальность — питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. СПб. : Сударыня, 2002. 584 с.
30. Бруль В. И. Немцы в Западной Сибири : [моногр.]. Топчиха : Топчихинская тип. Ком. администрации Алтайского края по печ. и информ.

References

1. Kuz'min M.N. Natsional'naya shkola Rossii v kontekste gosudarstvennoy obrazovatel'noy i natsional'noy politiki [The National School of Russia in the Context of State Educational and National Policy], *Mnogoyazychie i prepodavanie rodnykh yazykov = The Challenge of Multilingualism to Standard Language Teaching [Multilingualism and Teaching of Native Languages], materialy iz Flandrii, Anglii, Niderlandov, Germanii i Rossii*. Moscow, Publ. In-ta nats. problem obrazovaniya, 1998, 303 p.
2. Cherkaz'yanova I.V. Nemetskaya natsional'naya shkola v Rossii: istoricheskiy opyt funktsionirovaniya [German National School in Russia: Historical Experience], *Rossiyskie nemtsy v inonatsional'nom okruzenii: problemy adaptatsii, vzaimovliyaniya, tolerantnosti [Russian Germans in a Non-National Environment: Problems of Adaptation, Mutual Influence, Tolerance], materialy mezhdunar. nauch. konf. (Saratov, 14-19 September 2004)*. Moscow, 2005, pp. 8-28.
3. Denningkhaus V. Natsional'naya politika v RSFSR v otnoshenii natsmen'shinstv Zapada vo vtoroy polovine 1920-kh godov (na primere Leningradskoy oblasti) [National Policy of the RSFSR to the National Minorities of the West in the Second Half of the 1920s (on the Example of the Leningrad Region)], *Ezhegodnik Mezhdunarodnoy assotsiatsii issledovateley istorii i kul'tura rossiyskikh nemtsev [Yearbook of the International Association of Researchers of the History and Culture of Russian Germans]*, 2015, no. 1, pp. 49-58.
4. Denningkhaus V. "Nemetskuyu shkolu bez riska mozno nazvat' antisovetskoy": uchitel' kak tormoz transformatsii nemetskikh shkol v 1920-e gg. ["The German School Can Be Called Anti-Soviet without Risk": the Teacher as a Brake on the Transformation of German Schools in the 1920s], *Istoriya povsednevnosti [History of Everyday Life]*, 2020, no. 2 (14), pp. 42-70.
5. Gartvig B.V. Natsional'naya model' vysshego obrazovaniya v Nemetskoy avtonomii [National Model of Higher Education in the German Autonomy], *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii [Vestnik RUDN. Series: History of Russia]*, 2014, no. 4, pp. 119-132.
6. German A.A. Nemetskaya avtonomiya na Volge. 1918-1941 [German Autonomy on the Volga. 1918-1941], 2-e izd., ispr., dop. Moscow, MSNK-press, 2007, 576 p.
7. Denningkhaus V. V teni "Bol'shogo Brata": zapadnye natsional'nye men'shinstva v SSSR (1917-1938 gg.) [In the Shadow of "Big Brother": Western National Minorities in the USSR (1917-1938)]. Moscow, ROSSPEN, 2011, 727 p.
8. Mattern F. Schulbücher um jeden Preis! [Textbooks at Any Price!], *Die Arbeit [The work]*, 1923, no. 5, p. 138.
9. Natsional'naya politika VKP(b) v tsifrah [National Policy of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in Figures]. Moscow, Publ. Komunistich. akademii, 1930, 328 p.
10. Gosudarstvennyy arkhiv Omskoy oblasti (GAOO) [State Archive of the Omsk Region (GAOO)], coll. R-318, aids. 1, fol. 517.
11. Tsentral'nyy khrameniye arkhivnogo fonda Altayskogo kraya (TsKhAFK) [Altai Krai Archive Fund Storage Center (CAFAC)], coll. R-141, aids. 1, fol. 41.
12. Bartels B. Über den Stand unserer Lehrbücherfrage [On the Status of Our Textbook Issue], *Die Arbeit [The work]*, 1923, no. 16, p. 374.
13. Waschkau N.E. Kulturbeziehungen der Wolgadeutschen Republik mit Deutschland 1918-1933 [Cultural relations between the Volga German Republic and Germany 1918-1933. In German] [Cultural relations between the Volga German Republic and Germany 1918—1933. In German], *Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußland-deutschen [Research on the History and Culture of the Russian Germans]*. Essen, Klartex, 1998, no. 8, pp. 104-118.

14. Die Lehrer von Chortiza an der Arbeit [The Chortiza teachers at work], *Die Arbeit [The work]*, 1923, no. 14, pp. 328-329.
15. *GAOO*, coll. R-978, aids. 1, fol. 42.
16. Mickwitz [R.] Gotisch oder Lateinschrift? [Gothic or Latin script?], *Kultur und Schule [Culture and school]*, 1927, no. 4.
17. О порядке издания учебников для начальной и средней школы в АССР и областях РСФСР [On the Order of Publishing Textbooks for Primary and Secondary Schools in ASSR and Regions of RSFSR], *Prosveshchenie natsional'nostey [Enlightenment of Nations]*, 1933, no. 2, pp. 17-18.
18. Народное образование в СССР. Общчеобразовательная школа: сб. док. 1917-1973 гг. [Public Education in the USSR. General Education School: Collection of Documents. 1917-1973]. Moscow, Pedagogika, 1974, 559 p.
19. Gerber O.A. Material'naya baza shkol'nogo obrazovaniya sibirskikh nemtsev (1920-1935 gg.) [Basis of School Education of Siberian Germans (1920-1935)], *Rossiyskie nemtsy. Problemy kul'tury i obrazovaniya [Russian Germans. Problems of Culture and Education]*. Novosibirsk, 1996, pp. 42-51.
20. *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO) [State Archive of Novosibirsk Region (GANO)]*, coll. R-61, aids. 1, fol. 464.
21. Unsere Ferienkurse [Our Vacation Courses], *Die Arbeit [The work]*, 1923, no. 17, p. 400.
22. Die Lehrer-Sommerkurse in Omsk [The Summer Courses Teacher in Omsk], *Die Arbeit [The work]*, 1923, no. 15, p. 470.
23. German A.A. Istoriya Respubliki Nemtsev Povolzh'ya v sobytiyakh, faktakh, dokumentakh [History of the Republic of Volga Region Germans in Events, Facts, Documents]. Moscow, Gotika, 2000, 320 p.
24. Alpatov V.M. 150 yazykov i politika: 1917-2000. Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovet'skogo prostranstva [150 Languages and Politics: 1917-2000. Sociolinguistic Problems of the USSR and Post-Soviet Space]. Moscow, Kraft+IV RAN, 2000, 224 p.
25. Klyachin A.I. Etnicheskie men'shinstva i natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo na Ukraine v 1920-1930 gg. [Ethnic Minorities and National-State Construction in Ukraine in 1920-1930], *Etnokontaktnye zony v evropeyskoy chasti SSSR [Ethno-contact zones in the European part of the USSR]*. Moscow, [b. i.], 1989, pp. 96-110.
26. Karneev I. K voprosu o podgotovke natspedkadrov [On the Question of National Pedagogical Staff Training], *Prosveshchenie natsional'nostey [Education of Nations]*, 1932, no. 10, p. 14.
27. Chentsov V.V. Tragicheskie sud'by: politicheskie repressii protiv nemetskogo naseleniya Ukrainy v 1920-1930-e gody [Tragic Fates: Political Repressions against the German Population of Ukraine in the 1920s-1930s]. Moscow, Gotika, 1998, 205 [1] p.
28. *GANO*, coll. R-61, aids. 1, fol. 1323.
29. Smirnova T.M. Natsional'nost' - piterskie. Natsional'nye men'shinstva Peterburga i Leningradskoy oblasti v XX veke [Nationality - Petersburgers. National Minorities of St. Petersburg and the Leningrad Region in the Twentieth century]. Saint-Petersburg, Sudarynya, 2002, 584 p.
30. Brul' V.I. Nemtsy v Zapadnoy Sibiri [Germans in Western Siberia], [monogr.]. Topchikha, Topchikhinskaya tip. Kom. administratsii Altayskogo kraya po pech. i inform.

Информация об авторе

Черказянова Ирина Васильевна — доктор исторических наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: cherk@inbox.ru

Information about the author

Irina V. Cherkazyanova — Doctor of Historical Sciences, A.S. Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: cherk@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 20.06.2024; одобрена после рецензирования 18.07.2024; принята к публикации 25.07.2024.

The article was submitted 20.06.2024; approved after reviewing 18.07.2024; accepted for publication 25.07.2024.